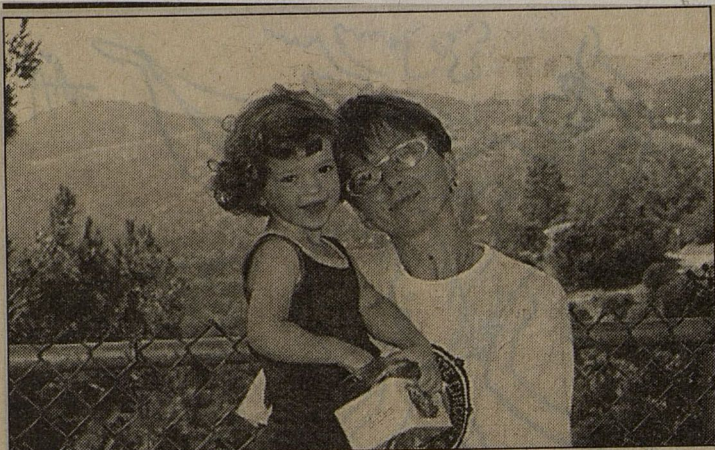

ЛАРИСА КУЗНЕЦОВА:

Культура. — 1998. — 22 янв. — с. 12

Я участи своей не знаю

ЖИЗНЬ АРТИСТА

Юлия СЕДОВА

В 1980 году Лариса Кузнецова, окончив ГИТИС, стала актрисой Театра имени Моссовета. Блестящее начало актерской карьеры для девочки из рабочей семьи.

Ее учителем был Олег Табаков, в театральную студию которого во Дворце пионеров имени Крупской она поступила в девятом классе. Увидела в школе объявление о наборе, пошла, почитала — приняли. Долго скрывала сей факт от родителей, просто выговорить не могла, что собирается стать артисткой.

— Мне тогда казалось просто невероятным, что театр станет моей жизнью, — объясняет Лариса. — Я в семье — урод. Мама — бухгалтер, папа — токарь, у двух сестер тоже обычные, «нормальные» профессии. Я чуть спортсменкой не стала, все детство на лыжах пробегала, разряды получала. Когда поступила к Табакову, брала дома лыжи, говорила: «Иду на тренировку», прятала их у подруги, живущей в соседнем подъезде, и шла заниматься в студию. Наконец, сестре Любе наблюдать за моими таинственными сборами надоело, и она маме сказала: «Наша Лариса поступила в театральную студию под руководством Табакова, ну, помнишь, который Шелленберг в «Семнадцати мгновениях весны». Мама как ахнет: «Куда ты полезла!» Кстати, до сих пор это повторяет. С точки зрения наших родителей, одна из дочерей сошла с ума. Ну, а потом Олег Павлович принял меня на свой курс в ГИТИСе, после окончания которого я оказалась в Театре Моссовета. По сей день, когда вижу Олега Павловича, горло

перехватывает, слезы текут, а он мне говорит: «Дура», и за этим словом — вся моя жизнь.

О том, что «жизнь прошла», Лариса говорит совершенно серьезно. Думается, лет через двадцать она искренне будет убеждена в том, что уж теперь-то точно «все кончено», и дай ей Бог так же ошибиться, как ошибается она сейчас. В прошедшем сезоне актриса играла главные роли в трех спектаклях своего театра: очаровательную Жюльетту Вальте во французской комедии «Школа неплательщиков», бессердечную эгоистку Надю в «Бегущих странниках» и любимую и любящую Лилу в «Моем бедном Марате», и все эти постановки имели зрительский успех. Теперь Кузнецова стала одной из самых занятых в труппе театра актрис, а всего пять лет назад она считала себя никому не нужной и всеми заброшенной. Переиграв до двадцати восьми лет весь подростково-юношеский репертуар, практически перестала выходить на сцену.

— Сидела без ролей пять лет, — рассказывает Лариса, — молча страдала. Тихо сходила с ума. Раньше-то у меня было по 26 спектаклей в месяц! Не потому, что я такая талантливая, просто — как нужна в какую-нибудь постановку «девочка», сразу мне эту роль и дают. Иногда приходила в театр в день спектакля и спрашивала: «Какой костюм сегодня надевать? Что играем?» Конечно, разные спектакли были, но некоторые вспоминаю и сейчас с нежностью: «Сашку», «Пять углов»... Потом все кончилось, только в крошечном эпизоде в «Торможении в небесах» на сцену выходила. Сама, наверное, виновата: от вводов на чужие роли отказывалась. Терпеть не могу, когда тебе говорят: «Стой так, потому что так стояла Маня Иванова. Не поворачивайся». Вот и шлейф у меня появился: «она отказывается». А ко-

му нужна капризная актриса? Хотя жаловаться на необъективное к себе отношение не могу. Никто меня не зажимал, не гнобил, просто так получилось. Правда, человек я резкий, всегда честно говорю то, что думаю, но привыкнуть ко мне за столько лет можно было. Просить не умею, никогда бы не пошла роли выпрашивать, или придумывать, как ее интрига-

ми у другой артистки отобрать. Я не администратор своей судьбы. Может, оттого и киноактрисой не стала.

Киноактрисой Лариса не стала, хотя каждый, кто видел «Пять вечеров» Никиты Михалкова, вспомнит отчаянную девушку Катю...

— Меня не снимали и не снимают, а если не дают роли, что ты будешь делать?! Сиди дома и считай себя талантливой, редчайшей, думай: «А я не как все!», ну и будь «не как все», — запальчиво говорит Лариса, требуя обязательно написать о том, что справедливости на свете нет и мало кого оценивают по достоинству.

И совершенно непонятно, то ли она шутит, то ли обижается серьезно. Скрытный человек, тусоваться не любит, а любит, причём до обожания, четырехлетнюю дочку Анечку.

— Мы ложимся спать, я ей говорю: «Я люблю тебя больше жизни». Она, как дятел, за мной повторяет, а как это — «больше жизни» — не понимает, — умиляется Лариса, — правда-правда, у меня чудесная девочка. Сделаю все, чтобы она не заразилась театральной болезнью. Хватит мамы-артистки.

У «мамы-артистки», кстати, с рождением дочки началась новая жизнь. Появилась работа в театре. Первым спектаклем после пятилетнего перерыва стал «Канотье», потом Кузнецовой предложили сыграть в антрепризе. Роман Козак ставил «Банан» Мрожека.

— Анечке едва исполнилось полтора месяца, я работала на грани человеческих сил, и это было счастьем. Репетировали стремительно, никто не интересовался, хочешь ли ты спать, есть. Ты — в армии, на службе. Сделали спектакль за 23 репетиции. Это замечательно, так и надо работать над постановкой. Ни за что бы не стала работать с режиссе-

ром, который может полгода мучить артистов, создавая свой шедевр для избранных. Думаю, поэтому мне так дорог «Мой бедный Марат» (самая любимая роль — Лика), что его постановщик Андрей Житинкин никогда бы не позволил себе неуважительного отношения к тяжкому актерскому труду. В «Марате» мы все повязаны одной ниткой, если кто-то себя плохо чувствует, его обязательно поддержат партнеры. Вот тогда полностью полагаюсь на двух своих любимых партнеров: Андрея Ильина и Сашу Домогарова. Также и они могут положиться на меня.

Совершенно серьезно она считает, что играет мало и могла бы работать намного больше, и снова переживает оттого, что не репетирует в каком-нибудь новом спектакле, и тут же говорит устало, что ничего уже не хочет, планов на будущее не строит, а просто живет себе сегодняшним днем. Может быть, она и есть актриса этого дня? Нового времени? Неуютного, вздорного, грубо ломающего все прежние устои и каноны, казавшиеся такими неизменными, выстоять в котором могут только сильные люди, наделенные трезвой головой и чувством юмора.

— В тяжкие дни, когда руки опускаются и кажется, что я никогда больше ничего не сыграю, меня спасает глубочайшая самоирония. Слышала историю про кустик, который растет себе, ветры вокруг дуют, выгои метут, он гнется по земле, стелется — и жив, а рядом дерево стоит уперто, его метель с корнем и вырывает? Так и я живу, как тот кустик.